

стях умственной деятельности» (Ф. Энгельс),⁶¹ тем не менее невозможно сводить это искусство к искусству, «чисто культовому», как это делает не только А. А. Федоров-Давыдов,⁶² но, подчас, и другие историки искусства. Они забывают при этом то, что в искусстве древней Руси были широко распространены «светские» темы, что оно часто обращалось к историческим темам — к темам всемирной и отечественной истории, а также к бытовым сюжетам, что оно оставило нам ряд портретных изображений современников, что, наконец, само религиозное предание, являвшееся его главной темой, воспринималось как историческая действительность. Нельзя поэтому рассматривать иконопись и как какое-то особое искусство, существом своим отличающееся от всякой иной живописи, что делается также очень часто. Это — лишь один из жанров древнерусской живописи, какое бы место он в ней ни занимал, и, вопреки предвзятым мнениям, иконопись приемами изображения, особенностями стиля мало отличается от того, что можно назвать светской живописью древней Руси. Изображения, воспроизводящие, например, события русской истории и украшающие летописные своды, сходны с иллюстрациями к житиям святых и т. п.; скажем снова: в легенде, отображаемой иконой, видели ту же историческую действительность.

Вспомним затем, как легко и с какой непосредственностью вносил художник древней Руси «мирскую» тему и «мирские» интересы в ту область, которая, как может показаться, должна была бы принадлежать только религиозным размышлениям и переживаниям. Не делая различия между «церковным» и «светским», этот художник с поражающей исследователя наших дней свободой рисовал, например, в богослужебных книгах изображения животных или бытовые сценки, иной раз несколько вольного содержания. Так, в рисунках, исполненных для украшения Юрьевского евангелия (начало XII в.), представлен целый зверинец: двугорбый верблюд, конь под чепраком, барсы, змея, медведи, львица, кошка, журавль, фазан, сокол. Изображен также сирич, а инициал «Р» к словам «Рече господь...» нарисован в виде обнаженной женщины с цветком в руке.⁶³ Подобными изображениями украшены и другие русские церковные книги XII—XIII вв.

Проникновение «мирской» темы в декоративное оформление религиозной, богослужебной книги стало особенно значительным в XIII—начале XV вв. с расцветом рукописного тератологического орнамента, происхождением своим связанного с орнаментацией бытовых предметов: на изделиях древнерусских ремесленников этот звериный орнамент появляется с XI, если не с X, столетия. По словам одного исследователя, авторы книжных рисунков были «непосредственными учениками... мастеров, украшавших простонародную бытовую утварь».⁶⁴ В таких рисунках рукописей XIII—XV вв. «очень мало христианского религиозного элемента», который находился бы «в соответствии с религиозным содержанием книг, где они встречаются», писал В. В. Стасов.⁶⁵

В книгах с тератологическим орнаментом нередко нарисованы человеческие фигуры, либо вкомпанованные в орнамент, либо изображенные са-

⁶¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 128.

⁶² А. А. Федоров-Давыдов. Из истории древнерусского искусства, стр. 80.

⁶³ Атлас рисунков к трудам второго археологического съезда. СПб., 1884, табл. IX—X.

⁶⁴ А. Арциховский. Прикладное искусство Новгорода. В кн.: История русского искусства, т. II. М., 1954, стр. 285.

⁶⁵ В. Стасов. Картины и композиции, скрытые в заглавных буквах древних русских рукописей. СПб., 1884, стр. 22.